0 3кп2
3-635

ВОЗРОЖДЕНИЕ

УРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

И

ЗАДАЧИ ПАРТИИ.

оклад тов. Зиновьева на Всероссийской Конференции Р. К. П.).

m. 241

ОМСК.
Издание В. В. Редакц. Совета.
1922 года.

МП

О 3кп2
3-635

М 1885589

Зиновьев П.В.

Возрождение

Бурдачиев 1922

РК

М 1885589

41
0 3кп2 / 3-635

Возрождение буржуазной идеологии и задачи партии.

(Доклад тов. Зиновьева на Всероссийской Конференции Р. К. П.).

5078
3573
пр. 24 / М 885589
Омская областная научная библиотека им А. С. Пушкина

ОМСК.
Издание В В Редакц. Совета.
1922 года.

Р. В. Ц. Типография З.-С. В. Округа. Зак. № 000.

Возрождение буржуазной идеологии и задачи партии.

— Товарищи! Наша конференция подводит итоги первому году работы нашей партии в условиях новой экономической политики. Предыдущие доклады под'итожили нашу работу в этих условиях в очень важных отраслях деятельности партии. Моя задача под'итожить нашу работу в условиях новой экономической политики на другом поприще, на поприще политическом, являющемся, разумеется, в известной мере решающим.

Я думаю, товарищи, что лучше всего введу вас в свою тему, если ознакомлю вас для начала со следующим диалогом относительно смысла переживаемых нами событий между меньшевиками и сменовеховцами.

Меньшевики и сменовеховцы.

Не так давно, несколько недель тому назад, меньшевики в своем органе „Социалистический Вестник" писали: „Коммунистическая диктатура" при новой экономической политике, т.-е., попросту говоря, при укреплении буржуазно-капиталистического уклада,—это такая историческая нелепость, такая воплощенная бессмыслица, которая одинаково, хоть и с разных сторон, не переносна и для новой буржу-

азии всех калибров, и для пролетариата, и для искренних коммунистов. Коммунистическая диктатура при нэпе, т.-е., попросту говоря, при укреплении нового буржуазного уклада, есть „историческая нелепость". Это—лейт-мотив всей антисоветской прессы и всего антисоветского, так называемого, „социалистического" лагеря; то, что сейчас происходит в России, есть просто-напросто нелепость, одинаково непереносная, как они выражаются, и для искренних коммунистов, и для искренней буржуазии.

И вот что на это отвечают сменовеховцы, которые,— должен с самого начала сказать,—гораздо больше сходятся с меньшевиками, чем это иногда принято думать среди нас, в коренных, основных вопросах.

„Если освободить эту тираду от задорно-полемической шелухи, то можно найти в ней и серьезные положения, с которыми допустимо вступить в серьезный спор. Прежде всего, совершенно непонятно со стороны представителей марксистского мировоззрения, деланое негодование по поводу, действительно, существующего противоречия между новой фазой экономического бытия России и сохранением принципа классовой диктатуры. Марксисты должны были бы знать, что экономика и политика никогда сразу, по мановению волшебного жезла, в унисон не приходят, но всегда преобразование политических форм несколько отстает от развития хозяйственных явлений.

И в противоречии, которое отмечается журналом, нет ничего ужасного. Это—обычный путь исторического развития. Существование такого противоречия—не повод для горестных восклицаний, но, наоборот,—залог неизбежной эволюции к новой и лучшей жизни".

Если освободить заявление сменовеховцев от словесной шелухи, то получится следующее: они говорят Мартову и компании: „Зачем вам унывать. Вам, как марксистам, следовало бы знать, что сначала будут уступки в области экономической, а затем, в силу законов эволюции, и в об-

ласти политической, вы получите давно желанную демократию". На этом сходятся и меньшевики, и сменовеховцы. Таков лейт-мотив той критики, которая идет из рядов меньшевиков и эс-эров, а если взять шире, то и из рядов 2 и 2½ Интернационалов вообще. То, что переживает Россия сейчас, есть, видите ли, ублюдок. Нелепое положение: коммунистическая диктатура при росте буржуазии. Попытка большевиков делать экономические уступки, не уступая политически, есть-де безнадежная попытка. Государственный капитализм, провозглашенный коммунистической партией, есть определение, будто бы, внутренне противоречивое.

На этой основе строится вся борьба против нас.

Капиталисты откровеннее меньшевиков.

Сейчас я хотел бы тут же, товарищи, вам процитировать также заявление другой группы буржуазии. Я имею в виду издание Российского Финансового Промышленно-торгового союза в Париже. Он издает журнал „Экономические Записки" под редакцией Струве. В последней книжке, которую я получил как раз вчера, журнал останавливается на этих темах. Он посвящает почти половину номера нашему XI с'езду партии, с некоторым опозданием, и в статье „Новая фаза экономического кризиса Советской России и XI с'езд коммунистической партии" затрагивает основной вопрос о том, что такое государственный капитализм и что такое то, что переживаем мы сейчас, при новой экономической политике в России.

Надо сказать, что в этом журнале пишут представители наиболее реалистической деловой буржуазии, и они без всякой словесной шелухи умеют, все-таки понять, по крайней мере, то о чем идет речь.

Автор названной мною статьи, давая подробнейший анализ речи тов. Ленина относительно государственного

капитализма,—речи, которая всем вам памятна, я не стану ее цитировать,—говорит следующее: „Государственный капитализм—это тот капитализм, который мы сумеем организовать, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство—это рабочие, это передовая часть рабочих, это авангард, это мы. Или кратко выражая эти несколько сумбурные формулировки, можно сказать, что окрещенный „государственным капитализмом“ экономический строй Советской России означает допущение в известных пределах „пролетарским государством“, подчиненного ему, работающего на него и под его надзором частного капитала к участию в производстве.

Я думаю, товарищи, что здесь довольно кратко, и довольно лапидарно выражена суть дела. В этом журнале, где работают Рябушинский, Струве и К^{0}, люди, не претендующие быть „социалистами“ и не примыкающие ко 2-му и к $2^{1}/_{2}$ Интернационалу, они кратко и ясно выражают суть того, что мы вкладываем в понятие „государственный капитализм“. Государственный капитализм подчинен пролетарскому государству, работает на него, под его надзором, оно привлекает частный капитал к известному участию в производстве.

Мне думается, что нам, на нашей конференции, незачем еще раз анализировать понятие „государственный капитализм“, расщеплять волос на 4 части. В основном партия усвоила вышеизложенный взгляд полностью и определенно, и формулировала его на XI с'езде партии.

Я затрагиваю эту тему постольку, поскольку это необходимо, чтобы понять ту точку зрения, с которой нас критикуют наши враги.

Квази-марксисты из лагеря меньшевиков, квази-социалисты из лагеря эс-эров стараются представить наше положение, как просто-на-просто бессмыслицу, нелепость, и в утешение выслушивают от наших квази-друзей, сменовехов-

цев: „Погодите, время придет, вы увидите, как вы очутитесь в вожделенном лагере буржуазии—демократии“.

Проповедовали о нашем разложении, а на всех парусах разлагаются сами.

С самого начала новой экономической политики меньшевики, в особенности, а также и эс-эры рассчитывали на то, что это есть начало капитуляции со стороны нашей партии. Они не делали из этого секрета, заявляя на всех перекрестках, что новая экономическая политика означает в ближайшем будущем политические уступки. И только, по мере того, как они разубеждались в этом, по мере того, как стали увядать их иллюзии на этот счет, они стали искать других об'яснений и пришли к тому, что заявляют, что все происходящее просто-на-просто нелепость.

В течение истекшего года в новой обстановке наши противники, безусловно, пережили целую фазу если не разложения, то известного расслоения. Год тому назад, полтора года тому назад, когда мы стояли на пороге нэпа, они сулили нам, что это разорвет нашу партию на несколько частей, что внутри нашей партии будет чуть ли не классовая борьба. Я цитировал вам на XI с'езде партии целое исследование меньшевистского цекиста Далина, в котором он подводил, якобы, научный фундамент под свой тезис, что нэп разорвет основной фундамент—нашу партию, и тогда-де начнется новая глава в истории России.

Год—срок небольшой, и мы не можем обнадеживать себя, что мы обошли уже все опасности, связанные с новой экономической политикой. Но, во всяком случае, мы имеем право про истекший год сказать: хотя совершенно не оправдались мрачные предсказания относительно нашей партии, но зато в лагере врагов РКП произошло если не разложение, то, не преувеличивая можно сказать, расслоение. Факт,

что одна партия уже разбилась на две группы. Одна из самых серьезных контр-революционных партий—кадетская партия. Факт, что она за этот истекший год имеет два центра. Если взять из другой оперы, то тоже факт, что за этот год расслоение среди духовенства пошло очень быстрым шагом.

Орган правых кадетов „Руль“ на днях писал, что религия является последней единственной областью, куда не проникало, как они выражаются, „растление советской системы“, и теперь „штурмуется и эта последняя цитадель“.

Эти страхи напрасные. Никто ее не штурмует. Мы знаем, что это расслоение церкви происходит совершенно самопроизвольно, под влиянием глубоких и основных изменений России, связанных с величайшей революцией. Но факт отмечен правильно. Действительно происходят важнейшие события и в церковном лагере, который являлся надеждой и опорой правой кадетской партии и меньшевиков.

За это время произошло расслоение в рядах самих меньшевиков. У них происходит отслоение направо и налево. Направо образовалась группа „Заря“ во главе с Ст. Ивановичем. Они совершили маленькое святотатство, избрав для своей группы заглавие „Заря“,—название нашего научного марксистского органа в 1903 году. Эта группа меньшевиков, во главе с Ст. Ивановичем, издает журнал под этим именем, организует в России группы, так называемых, „внепартийных социал-демократов“ (смех) и критикует свой собственный центр справа. Вот у меня брошюра Ст. Ивановича: «Сумерки русской социал демократии». Она изобличает Мартова и Дана в том, что они не свели концы с концами, что они хотят быть именинниками и на Ивана и на Петра, что Ц. К. меньшевиков и за демократию, и за диктатуру, и т. д. Вот вам отслоение меньшевиков направо.

У них есть намеки на отслоение и „налево“. Не так давно мне случилось читать любопытный документ члена

Ц. К. меньшевиков Бера, который критикует Мартова, и говорит ему: мы совершенно не понимаем той позиции, которую заняял сейчас ваш меньшевистский Ц. К., вы кричите во всю глотку, что большевики вырождаются в Бонапартистов, что они теряют свою связь с рабочими массами. Ведь, вы же сами учили нас тому, что меньшевики и большевики опираются на один класс, только на различные его крылья. Если вы заявляете, что они перестали быть рабочей партией, то потрудитесь это обосновать, а не говорить об этом мимоходом.

Я не придаю значения заявлениям тех или других лиц. Мы прекрасно знаем цену декларациям меньшевистских цекистов, но если мы берем меньшевизм так, как он есть в России и за границей, то нужно сказать, что они за это время не только не сконсолидировались, но, наоборот, за этот год они дали трещину и трещину порядочную.

То же самое можно сказать и относительно эс эров. Кроме всех группировок, бывших до сих пор, мы видим новую группу, по крайней мере, внешним образом новую группу— Керенский, Бунаков, Авксентьев, Брушвит,—таким образом, от правых эс эров отказываются архиправые. Левые эс-эры окончательно разлагаются.

Мы видим, что и в их лагере за этот год произошла не консолидация и не укрепление, а, напротив, разложение.

Началось расслоение среди студенчества, самого упорного антисоветского элемента. Наконец появилась группа сменовеховцев, которые конечно не являются коммунистами, но которые являются чрезвычайно интересным явлением, отражающим процесс, происходящий внутри буржуазной интеллигенции.

Опасности есть.

Таким образом, мы можем, не обольщаясь, сказать, что, по крайней мере, за этот год все те опасности, которые нам сулили враги, и которые они со злорадством ожи-

дали, пока что не оправдались, а в то же время в лагере антисоветском, начиная с духовенства и кончая левыми меньшевиками и левыми эс-эрами,—в этом лагере мы видим начало серьезнейшего разложения.

Этим я вовсе не хочу сказать, что переживаемое нами время не чревато опасностями. Напротив, это мы говорили с самого начала. Та глава в истории нашей революции, которая называется нэпом, связана на политической арене с крупными опасностями, которые надо ясно видеть, и только тогда можно будет их избегнуть. За это время в политической области наметились некоторые новые явления. За этот год мы видим, с одной стороны, у наших противников в широком смысле слова безусловный надлом, начало разложения. Но с другой стороны, надо ясно видеть, что в антисоветском лагере происходят какие-то новые образования, происходит на новой основе как бы оживление и консолидация антисоветских сил против нас. Поэтому в органе правых кадетов, гессенском „Руле", мы читаем следующее: „И как только эта, так сказать, незаконная дочь нэп'а появилась на свет божий, так сразу, со всех сторон потянулись, правда, очень тонкие, даже воздушные нити оппозиции, которые, далеко переплетаясь и сплетаясь, образуют все более густую и прочную сеть. Куда только ни посмотрят—большевики, всюду они ударяются в эту стену и чувствуют, а то уже и сознают, что все в цепях они безусловно запутаются. В Москве и Петербурге появилось много литературы и всяческих альманахов, вплоть до издаваемых Госиздатом (слова из песни не выкинешь)... под редакцией большевиков, насквозь проникнутых духом стойкой непримиримой оппозиции и всесторонним выяснением, что большевистский этап революции не принес никаких положительных результатов и завоеваний, что он пришел к концу. О чем бы ни говорилось—о литературе, музыке, театре, да и в беллетристических произведениях, среди которых наряду с отвратительными кривляниями встречаются настоящие

перлы, всюду в каждой строчке сквозит одна и та же мысль: „Опускайся, кума, на дно“...

Страшен сон, да милостив бог. Я думаю, что дело обстоит не так страшно, как это рисует издатель „Руля“. У нас уже не такая густая и прочная сеть „оппозиции“. Но, несомненно, в этом заявлении наших врагов есть ядро истины, и мы должны воспользоваться предостережениями наших врагов, для того, чтобы ясно видеть происходящее и принимать те меры, которые необходимы.

Да, если вы меня спросите, что произошло нового на политической арене Советской России за этот год я скажу: новое заключается в том, что антисоветский лагерь перерестраивается по-новому В нем происходят крупные и серьезные расслоения, но он, тем не менее, обнаруживает изрядную живучесть. Он перестраивается на лучший лад, он использует каждую щелку в этом новом этапе нашей революции для того, чтобы перестроиться по-новому, для того, чтобы использовать в своих целях и нашу советскую легальность.

Вот в чем заключается новизна политического положения. Мы наблюдали за 1921—22 гг. некоторые явления, которые были невозможны и в 1917 ни 1919 ни 1920 гг. Мы наблюдаем сейчас сцепление молекулярных сил против нас в таких формах, в каких это было невозможно до нэп‘а, до последнего года. И хотя общий итог первого года вовсе не дает повода к какому-нибудь особенному пессимизму, он, однако, дает достаточно пищи для размышления насчет этих новых форм, этих организаций антисоветских сил, и он должен заставить кое в чем нас перестроить наши ряды так, чтобы добиться известных результатов.

В области политической наше наступление продолжается.

Меньшевистская и антисоветская вообще формула гласила так: вслед за экономическими уступками давайте нам политические уступки.

Мы ответили на это на 11-м с'езде: „Отступление в области экономической останавливается“. По вопросу о политических уступках мы с самого начала заняли определенную и ясную линию. Но теперь нам мало этого ответа. Сейчас, мне кажется, мы должны сказать более ясно: „Отступление в области экономической останавливается, в области политической наше наступление продолжается“. Это вовсе не значит непременно в формах 1918—19 гг. Было бы ошибкой так просто представлять себе дело.

Мы не можем в условиях новой экономической политики в 1922 г., не можем и в этой области прибегать во всем к тем методам, которые были уместны в 1918 и 1919 гг. Отказ от военного коммунизма в области экономической, конечно, связан с тем, что мы должны применять кое-какие новые методы и в области политической. Это партия должна ясно сознать. Но вместе с тем мы должны ясно себе сказать, что в другой форме и другими методами в более сложной обстановке мы в области политической будем организовываться для продолжения наступления.

Я уже сказал, что новизна заключается в том, что противники пытаются использовать, говоря старыми терминами, «легальные возможности» советского режима. Они говорят об этом довольно прямо: ведь, использовали же в свое время большевики третьеиюньский монархический режим, почему же нам не использовать советскую легальность?

Что касается антисоветских организованных партий, то, я думаю, не надо обольщаться. Мы нанесли эс-эрам и

меньшевикам сокрушительные удары, но можем ли мы сказать, что политически уже полностью ликвидировали эс-эров и меньшевиков в России. Я думаю, что пока мы неможем еще этого сказать. Задача нашей партии заключается теперь в том, чтобы политически ликвидировать эти организованные антисоветские партии в России. Но нам надо и, мне кажется, в этом и будет значение нашей конференции, эту цель впервые себе ясно поставить.

Мы не обольщаемся относительно достигнутых результатов, хотя эти результаты, несомненно, серьезны. Предвещавшиеся нам беды не наступили, а расслоение в рядах противника наступило. Мы ставим себе большую задачу. Мы не так скромны более, чтобы ограничиваться тем, чтобы кое-как обезвреживать меньшевиков и эс-эров. Мы думаем, что наше политическое наступление будет теперь развиваться, и мы полностью ликвидируем эти антисоветские группы, отняв у них то, что у них есть ценного из их человеческого материала, что способно поддерживать Советскую власть, и разбив остальное.

На распутьи.

Меньшевики не так давно формулировали свою задачу следующим образом. В одном из циркуляров Ц. К., напечатанном в новогоднем, если не ошибаюсь, номере „Социалистического Вестника“, сказано—они обращаются к местным организациям меньшевиков: „Вы должны рассматривать себя, как партию, стоящую на почве советской конституции, как партию легальной социалистической оппозиции, относящейся отрицательно к методам вооруженной борьбы и вооруженных восстаний, которые в настоящих условиях повлекли бы торжество реакции“. Это в январе 1922 года говорит Ц. К. меньшевиков. Само собой понятно, мы не можем, к сожалению, принять за чистую монету это заявление. В январе 1922 года они говорят, что надо отрицательно относиться к

методам вооруженной борьбы и восстаниям. Весной же 1921 г. меньшевики совершенно определенным образом поддерживали кронштадтское восстание в лице их Ц. К., и в частности в лице господина Дана.

Вот почему мы это заявление Ц. К. меньшевиков рассматриваем так, как только им можно его рассматривать, как военную хитрость, потому что целым рядом других документов они расшифровывают свою политику, заключающуюся в том, чтобы „использовать советскую легальность".

Помните пресловутый лозунг „борьба за легальность, за частичные требования". В такой форме они ставят, по крайней мере, часть их, свою борьбу по отношению к нам.

Я не могу сказать, чтобы у меньшевиков и, тем более, у эс эров, была на этот счет совершенно прямая линия. Нет, они находятся в этом отношении, как, впрочем, и во многих других, на распутьи. У них двойственность в политике. С одной стороны, если посмотреть на печать, на важнейшие программные заявления, то вы увидите, что они держат себя иногда с внешней показной непримиримостью, необычайной крикливостью. Они де являются единственными наследниками Октябрьской революции. В силу перерождения нашей партии, они-де являются теперь единственной рабочей партией. Вы часто найдете у эс-эров и меньшевиков такого рода выступления, что это они защищают наследство Октябрьской революции. Они, видите, стали теперь единственной рабочей партией. Они-де подхватывают знамя, выпавшее из наших рук. В то время, как мы стали защитниками известной части новой буржуазии, они являются будто бы завершителями Октябрьской революции.

Использование легальных возможностей.

Фальшивомонетчики.

Это одна нотка их агитации. Другая нотка—„борьба за легальность“. Остановлюсь на этой первой. Что касается первого, „левого“, крикливого, внешне непримиримого направления, то мне кажется, что оно нам не может причинить большого вреда, оно едва ли опасно для Советской власти. Внутренняя фальшь этой позиции настолько бьет в нос каждому рядовому рабочему, что едва ли на этом меньшевики и эс эры могут много выиграть. Когда люди, имеющие за плечами то, что имеют меньшевики и эсеры, когда такие люди пытаются теперь рядиться в ту тогу душеприказчиков Октябрьской революции, они, мне кажется, будут осмеяны беспартийными рабочими массами. Внутренняя фальшь будет слишком бить в нос. Как я говорю в своих тезисах, за эти годы у широких рабочих масс в результате несколько лет тягчайшей борьбы выковалось чувство, весьма ценное для нашей революции,—чувство реалистического отношения к тому, что выполнено в данной стадии революции.

Сейчас настроение рабочих, вы сами видите, все-таки не такое, что стоит им побольше обещать и тогда он за тебя. Многострадальные годы гражданской войны выработали в рядах рабочих в этом смысле критическое отношение. Они знают, что можно чего нельзя. И, как исключение, является то, что некоторые группы ставят свои цеховые

интересы выше общих. Мне кажется, что крикливая, якобы, левая позиция меньшевиков и эсэров едва ли опасна, и вряд ли она может завоевать некоторое влияние у нас, хотя эпизодически это возможно. Бороться против этого можно только тем, что нам удастся начать, хотя и очень медленно, выполнять кое-что из того, что было невозможно выполнить до сих пор. Всем известно, что сейчас преобладающим стремлением в массе является стремление к сытой жизни, к порядку, к знанию. Это есть основное настроение сейчас. Этим будут пытаться воспользоваться наши противники. Но в меру того, как нам удастся итти навстречу удовлетворению этих законных требований, требований революции, в меру этого будет ослабевать влияние меньшевиков и эс-эров.

Другая часть работы меньшевиков и эс-эров, мне кажется, более опасной. Я говорю о формуле борьбы за легальность. Те же эс-эры и меньшевики, которые сейчас пишут программного свойства статьи на тему, что они являются единственными проводниками требований Октябрьской революции, стали уже выступать с „частичными требованиями". Они бросают в массу учащихся лозунг автономии школ, они бросают в крестьянскую массу лозунг дешевого кредита, в красноармейскую массу—лозунг шестимесячной службы. Если взять последнее постановление меньшевиков о профсоюзах, то они выдвигают лозунг прожиточного минимума в старых довоенных рублях, пытаясь этот частичный лозунг сделать исходным пунктом определенного массового народного движения против нас. И вот, товарищи, мне сдается, что это вторая часть тактики меньшевиков и эсэров заслуживает более пристального внимания с нашей стороны. Она есть то новое в области политических группировок, что мы переживаем в последний год и что имеет известную социальную базу. Едва ли было возможно такое постановление меньшевиков года два-три тому назад. Теперь это постепенно будет становиться преобладающей нотой в их агита-

ции, в их работе. Почти наверняка, можно сказать, что эта вторая нота будет вытеснять первую, крикливую, якобы, левую ноту и постепенно вытеснит ее целиком. Это понятно. Эта вторая нотка всецело вытекает из того соотношения сил, которое мы сейчас имеем в Советской России.

„Общественные“ с‘езды.

Я сказал, что за этот год мы отметили некоторые явления, которых мы не могли отметить ни год ни два, ни три тому назад. Возьмите такой вопрос, как с‘езды, легальные „общественные“ с‘езды. Мы слишком мало внимания обращали на это до сих пор. Теперь пора в этом отношении подвести итог.

Это становится возможным, потому что, мы имеем ряд таких с‘ездов, Крайне показательным был с‘езд врачей в конце весны этого года. Я не имею данных и не могу вам сказать, насколько меньшевики и эс-эры действовали там организованно, да это и неважно. Важно то, что на этом с‘езде мы видели известное об‘ективное воплощение в жизнь той второй половины тактики эс-эров и меньшевиков, которую я вам в самых беглых штрихах обрисовал.

Среди такой группы населения, как врачи, неизбежно еще имеются круги, которые в значительной мере настроены враждебно к Сов. власти. Конечно, и среди этой группы есть честные работники Советской страны, но я говорю об определенном слое, который вам всем известен. На этом с‘езде меньшевики и эс-эры, об‘ективно говоря, имеем некоторый успех. Мы видели там ряд крайне характерных выступлений. Один из врачей говорил о том, что они, демократы, живут „в коммунистическом окружении“ в нашей Советской стране. Это—политическая терминология. Это политическое заявление, в высшей степени лапидарное и правильное с их точки зрения: Они выдвигали вопрос о том, как им организоваться в рамках этого „коммунистического окружения“. Гово-

88558

Омская областная
научная библиотека

рилось о том, что им нужны даже уездные секции врачей, которые должны себе ставить задачу, как бороться с этим „коммунистическим окружением“. Я не знаю точно, существуют ли такие уездные секции, но достаточно того, что это висит в воздухе, что мысль об этих уездных секциях, необходимых не для того, чтобы бороться с холерой и с другими эпидемиями, а для того, чтобы освободиться от „коммунистического окружения“, есть. Это—определенное политическое заявление, в высшей степени ценное. Конечно, это их право организоваться против нас но наша обязанность перед пролетариатом видеть это и принимать меры для борьбы с этим. Мы слышали там заявление одного врача, по фамилии, кажется, Станкевича, который говорил, что „больше врачей-коммунистов уже не народится. Пусть отсюда власть и союз сделают надлежащие выводы“. А другой врач Грановский говорил, что «теперь сама власть, как капиталисты. Она эксплоатирует врачей при содействии медикосантруда». Третий врач, Горвиц, женщина-врач, которую мы хорошо помним по временам тяжелой холерной эпидемии в Петрограде. Когда мы приглашали врачей притти на помощь к нам, когда целый ряд врачей откликнулись и оказали нам неизмеримые услуги по борьбе с холерой, эта самая госпожа Горвиц заявила, что холера—холерой, а „коммунистическое окружение“ будет, пожалуй, опаснее.

Так вот, эта госпожа Горвиц выступила с заявлением, что „мы всегда были за диктатуру пролетариата, мы готовы быть всегда слугами пролетариата, но мы не будем прислужниками Советской власти“.

Целый ряд такого рода заявлений мы слышали на этом с‘езде. Это есть заявление, которое не было возможным раньше, которое стало возможным в 1922 году и которое наша партия должна учесть как нечто новое.

Мы видели с‘езд агрономический, где слышались подобные же заявления, по своей контр-революционности не

оставлявшие желать ничего большего. Такие с'езды, товарищи, должны заставить нас задуматься.

Далее, мы видели ряд выступлений профессуры, которые также только вот теперь пытаются сами того не сознавая, стихийно итти по линии меньшевизма и эс-эрства в ее второй половине. В этом смысле меньшевики могут найти отклик об'ективно довольно опасный, ибо контр-революционный. Мы видели, говорю я, целый ряд таких выступлений со стороны профессуры, и эти выступления вам известны.

Количественно этот слой не велик. Мы имеем всего пять тысяч человек профессоров, а вместе со служащими 12.000 чел. Это, конечно, небольшой слой, но этот слой очень важен. Я бы сказал, что сейчас тут, может быть, можно взять то сравнение, которое применялось на предыдущей конференции о командных высотах. Высшие учебные заведения теперь есть одна из важнейших командных высот— для нас же особенно, по причинам, о которых я буду еще говорить.

Это—явления новые. Я не говорю, что на этих с'ездах были непременно организованные меньшевики и эс-эры. Нисколько. Но резонанс для меньшевизма и эсэрства в его последней формации, последней интерпретации—вползти „в советскую легальность", опираясь на, якобы, происходящее постепенное перерождение Российской Коммунистической Партии, „взорвать изнутри", разложить, рассосать Советскую власть, это есть. В течение 1922 года мы видим целый ряд любопытнейших эпизодов из этой области.

ЛИТЕРАТУРА.

С тыла.

То же самое творится, товарищи, и в области литературы. Нам говорили, что из НЭП'а вытекает свобода печати для буржуазии, что кто сказал: НЭП, тот должен сказать: свобода печати для буржуазии. Это, разумеется, не так, товарищи Мы должны дать себе отчет в том, что переходный период есть переходный период. И если бы нынешняя фаза революции затянулась в силу каких-нибудь исторических событий на полстолетия или на четверть столетия, то была бы, разумеется, опасность того, что окружение НЭП'а, окружение буржуазии рассосало бы как-нибудь и нашу пролетарскую диктатуру. И, разумеется, говоря в терминах исторических, если брать периоды в 25 лет, если говорить десятилетиями, то, конечно, это исторически неизбежно, если бы так пошло дело.

Но суть в том, что дело так не идет, что мировая революция развивается, что даже в первый год, протекавший в обстановке чрезвычайно тяжелой, в обстановке голода, в обстановке, когда нам в Генуе и в Гааге пред'являли грубо реставрационные требования, все таки наше положение улучшилось. Из того, что мы сделали уступки экономические, не следует, что мы будем делать уступки политические, в роде свободы печати для буржуазии, меньшевиков и т. д. Принципиальная линия партии в этом вопросе была и останется верной.

Однако нельзя не признать, что буржуазия даже за один год сумела нас обойти с тыла и сумела завоевать кое что. Правда, в этой области крупных завоеваний у нее нет и не будет. Сколько нибудь распространенной периодической печати у нее не будет, но все-таки кое-какие завоевания она сделала. Вот некоторые данные, которыми я располагаю относительно легальных издательств: в одной Москве—сколько бы вы думали, товарищ?—337; в Петрограде—83 У нас нет данных относительно губернских городов, относительно Украины, относительно целого ряда важных областей. Я обращаю внимание, товарищи, на то, что абсолютно необходимо в этой области данные иметь, и иметь их собранными в одном месте, тщательно следить, чтобы Центральный Комитет Партии мог обозреть действительное положежение во всей стране.

Само собою разумется, что ни Советская власть, ни Российская Коммунистическая Партия отнюдь не склонны к тому, чтобы печатный ставок бездействовал. Нисколько. Наоборот. Мы, конечно, должны стараться, чтобы у нас процветали литература, просвещение и проч. Мы, конечно, должны их поддерживать, но, товарищи, при том положении вещей, которое мы имеем, когда мы, партия, и государство, в этой области отстаем, мы должны констатировать тут за один год необычайную энергию и необычайную кипучую живучесть со стороны противника. Я читал вам выдержки из «Руля». В общем и целом они правильно изображают дело, когда говорят, что литература вырывается из-под диктатуры пролетариата, и что она частенько отравлена совершенно определенною ненавистью к Советской власти.

О чем пишут.

Я приведу сейчас несколько примеров. Думаю, что не стоит приводить особенно много. У нас действительно развилась в Москве и Петрограде литература, которая является обоснованием всего нынешнего буржуазного мировоззрения. Я процитирую несколько литературных проявлений НЭПО и в Петрогде и Москве.

Питирим Сорокин выступает с заявлением в том духе, что русская интеллигенция должна занять по отношению к Советской власти «англо-саксонскую позицию», которая заключается в том, чтобы участвовать в строительстве России, не обращая внимания, не взирая на Советскую власть, несмотря на то, что она существует. Так характеризует он политику и Ллойд Джорджа. И вот такая «англо саксонская» политика открыто проповедывается со страниц печати в России. Более того передо мной журнал «Экономист», издававшийся в Петербурге (он закрыт недавно). «Экономист» есть главный теоретический штаб нэповской буржуазии, об'единяющий почти всех литературных работников экономистов кадетской партии. В «Экономисте» по вопросу о Генуе выступал профессор Тарле и говорил не только против нас, не только против Сов. России, но и против английской буржуазии, почти целиком защищал линию Пуанкаре (смех). Он прямо критиковал не только Советскую Россию, но, повторяю, английское правительство. Он писал: „систематическое планомерное и законченное опустошение немцами всей Северной Франции (и части центральной) до сих пор ничем не компенсировано; французский бюджет, правда, несравненно устойчивее и прочнее немецкого, но все же дефицит велик; ни малейших послаблений со стороны американских кредиторов Франция ждать не может: сенатор Штата Джон Смут как раз в середине марта категорически заявил, что Франция должна заплатить Америке все долги до последнего цента». И он же критиковал Кейнса, Андреля так, как империалисты критикуют пацифистов:

„Отчасти Кейнс (прекрасный профессор-международник, но очень простодушный политик), отчасти же его популяризаторы и подражатели (в роде Нормэна-Энджеля), приучили своих читателей к горячим тирадам на тему о жестоковыйных французских Шейлоках и напоминаний с их стороны своих и общеевропейских интересов и т. п. Ничего не может быть легче, дешевле и бесплоднее всех этих декламаций.

Это писалось в момент Генуи. В этом самом „Экономисте“ вы найдете целый ряд заявлений такого-же характера.

В статье тов. Бубнова, помещенной в журнале Ц. К. „Коммунистическая Революция", приведен целый ряд цитат работ этих господ из „Экономиста" и других журналов. Поэтому я могу избавить от цитат в этой области. Все вы должны с этим ознакомиться, независимо от того прекратила ли часть журналов свое существование или нет, для того чтобы видеть ясно идеологию наших противников в переживаемый нами период. Нет худа без добра. Во всяком случае мы ясно заглянули им в душу, хорошо увидели, что происходит в лабораториях буржуазной поповской мысли. В этом смысле работники нашей партии весь этот багаж должны изучить полностью.

Выходили у нас и „Утренники". „Утренники"—заглавие невинное, почти детское: „Утренники". Долго мы в них даже не заглядывали. Оказывается, что там помещает статьи бывший член центрального комитета кадетской партии Изгоев на „детскую" тему о... терроре и процессе эс эров. В этой статье Изгоев писал:

„Скажу совершенно определенно: убийство Володарского, Урицкого, покушение на Ленина так же противно моему нравственному чувству, как убийство Александра II, Боголепова, Герценштейна, Иоллеса".

С его точки зрения убийство Ленина и убийство Столыпина одинаково и в высшей степени безнравственно, и, конечно, если бы был возможен суд не партии, а суд народной совести вообще над насилием, тогда другое дело. Изгоев, Милюков и все прочие их соратники—вегетарианцы, никогда ни одной капли крови не пролили.

В течение полугода вот куда успела добежать буржуазия! В этом смысле можно сказать, что тут надстройка опередила базис. Буржуазия не так разжирела в смысле эконономическом. Но в смысле идеологическом поскольку ей отпущены чуточку вожжи, она забежала очень далеко. „Идеологии" им не занимать стать. Им не надо ее восстановлять. Одно дело восстановить завод или рудник даже английскому концессионеру, а другое дело возобновить литературное предприятие Изгоеву и компании. Тут был бы станок, были бы чернила, а буржуазная отравленная

идеология у него еще есть со времен царских. Вот чем об'ясняется тот сравнительно большой успех буржуазии в области идеологической.

Вот книжка Тарле — „Печать при Наполеоне I". Кажется: что может быть цензурнее? Однако, почитайте эту книжку, и вы увидите, что и тут пытаются проповедывать контр-революционные идеи... Эти господа думают, что с нами можно так грубо хитрить.

В области поэзии и то дело обстоит определенно. Прав „Руль" в своих заявлениях, которые я приводил. Я не могу процитировать здесь целый ряд поэтов. Но вот известная Гиппиус в своем „Дневнике" со сладострастием говорит, что наступит момент, когда они нас „в молчании повесят". Октябрьская революция называется у ней „блевотиной войны". Я упоминаю о Гиппиус потому, что не—помню, где,—в „Правде" или в „Известиях" я читал, что через 4 недели после выпуска этой книги за границей она значилась в библиотеке на каких-то курсах. Таким образом, вы видите, что не только наши русские поэты, но даже и Гиппиусы просовываются в библиотеки красных курсантов. У нас существуют большие аудитории студенчества, в одном Питере тысяч 30—40, которые в значительной мере еще против нас. Это еще не означает, что мы должны на них махнуть рукой. А вот вся эта литература отравляет молодежь, вся эта литература создает базу для той тактики меньшевиков, о которой я вам говорил.

Среди буржуазной интеллигенции.

Есть целый ряд переходных этапов от открытой буржуазной интеллигенции к сменовеховцам. О сменовеховцах я поговорю особо, но сейчас обращу ваше внимание на статью кадета Брупкуса,—он не сменовеховец, он более определенный наш враг. Его статья программного характера интересно отметить перед тем, как начать говорить о самих сменовеховцах. Вот что он говорит:

„Русская революция победила; идущая извне контр-революция отражена и сломлена. Но следует правильно понять смысл этой

победы. Победа революции означает переход политической власти в руки новых классов. В данном случае победа русской революции знаменует окончательную гибель дворянской России; ее слишком 300-летняя история в 1917 г. закончилась. Руководящими силами в русской истории становятся широкие круги крестьянства и рабочих. Но победа новых классов совсем еще не свидетельствует о победе тех лозунгов, которые они выкинули в борьбе. Последние должны еще доказать свою неизменность. Лозунг „черного передела“ вошел в жизнь лишь весьма частично; он оправдал дележ помещичьей земли, которая быстро сливается с основным фондом надельных земель. Но идея всероссийской общины отвергнута жизнью. Равнение за пределы волостных границ не пошло. А неустойчивость землевладения в революционный период вызвала в крестьянстве могущественную реакцию. Индивидуалистические течения, развивавшиеся при „столыпинском“ режиме, воскресли с удвоенной силой. Никакие запреты не в силах остановить тягу крестьян на хутора, на отруба, на вышки. И в интересах производства социалистическая власть вынуждена, наконец, пойти навстречу этим индивидуалистическим течениям. Россия представляет в грандиозном масштабе картину тех деревень, которые произвели последний общий передел земли, чтобы никогда переделов впредь не производить, чтобы разойтись на хутора.

Еще меньшее положительное значение имели в русской жизни принципы социализма и коммунизма. Под их флагом успешно шло разрушение старого народного хозяйства, но творческими эти принципы себя не показали. Рабочий класс в процессе революции лишь крайне сократился и экономически деградировал. Под флагом новой экономической политики теперь народное хозяйство воссоздается на старых основах частной собственности и частной инициативы. Но новое народное хозяйство будет обслуживать уже не одни высшие классы, оно будет обслуживать народные массы и, прежде всего, крестьянство, ибо крестьянское хозяйство ляжет в основу возрождающейся России.

Лозунги русской революции являлись специфическим про-

дуктом социальной экономической эволюции России. Их победа означала не их воплощение в жизни, а их изживание. Это изживание обошлось России дорого, слишком дорого, но, очевидно, что только таким путем под эгидой революционной власти эта задача могла быть решена. Изжив свои специфические черты, Россия закончит свой процесс европеизации".

Это и есть идеология сменовеховцев это составляет суть коренной группы сменовеховцев.

Это самое вы найдете и у некоего Лежнева, который поместил статью в „Новой России". Он считает себя сторонником Советской власти. Между прочим, этот Лежнев интересен тем, что он выболтал кое-что из того, что является сокровенной мыслью буржуазии То что у Бруцкуса и у других на уме, то оказалось у Лежнева на языке. Он прямо и определенно ставит дело и договаривает то, чего не договорили некоторые сменовеховские буржуа: „Не революция и не реакция, а революционный консерватизм. Реорганизация убивала организацию, подрывала самую возможность правильной творчески строительной работы, споспешествовала всеобщему дилетантизму и верхоглядству, плодила самоуверенно наглых и лживых всезнаек, которые умненькой одесской бойкостью и панельной развязностью брались за любое дело. Сегодня он—советский исправник, завтра—начхоз, еще через день—ремонтирует холодильники, а там зачислился уже в Главспичку. Неправда ли, совсем, как Петр:

То академик, то герой.
То мореплаватель, то плотник.

Мы полагаем, что только сегодняшний день можно и должно принять за исходный пункт равномерного творческого развития и под'ема.

Напрасно все пытались нас загипнотизировать — справа и слева,—эмигрантская и коммунистическая печать, митинговыми словами о двух единственно-возможных путях и об исключении третьего, мы верим, видим, знаем, что современная Россия выходит из революции в новых с каждым днем крепнущих настроениях здорового консерватизма, охраняющего благотворные

завоевания, критически отметающего безплодную шелуху, усваивающего социально-питательные элементы пережитого.

Наша почвенность не логическая, а биологическая...

И сейчас, при переходе в новую полосу российского хозяйственно государственного бытия, мы, подобно праотцам нашим, первым зачинателям хлебопашества, ищем эти определяющие координаты строительства. Пытливо и вдумчиво мы вглядываемся в расплавчатый лик наших дней и схватываем четыре черты, как бы четыре измерения современности: **самоограничение революции самоопределение** коммунизма, хозяйственно-бытовое **самоопределение** народов и идейно-общественное **самоопределение** интеллигенции.

Эти тропы, эти межи, в совокупности своей и обозначают **консолидацию внутренних сил страны.**

Здесь, несомненно, звучит стихийное повеление истории, которое имеет свою надволевую логику.

Мы видим, как страх отстать от колеса жизни, от стихийно вертящихся жерновов по революционной современности, как опасение „отрыва" побуждают коммунистическую власть искать связей с деревней, с одной стороны, с квалифицированными работниками науки, техники и культуры,—с другой. Чтобы избежать этого отрыва, коммунистическая идеология вынуждена была осознать необходимость самоограничения революции и самоопределения коммунизма.

Но осуществление консолидации знаменует и другое: **превращение вчерашних об'ектов государственного строительства — в суб'ектов".**

Мы должны-де стать суб'ектами нынешнего строительства. Входили же мы в столыпинскую думу, мы должны входить и в Советы, которые эмансипируются от коммунистической партии для того, чтобы их завоевать. Он пытается даже цитировать слова тов. Ленина на последнем с'езде нашей партии для того, чтобы опереться на них.

Более того. Надо сказать, что такая нотка повторяется все чаще и чаще. Сложная административно-хозяйственая машина

Советской власти за эти бурные годы износилась физически; ей нужен ремонт, и вот тут-то,—говорит он,—и наступает наше время.

Конечно в таких условиях коммунисты, при помощи одной переброски, которая до сих пор практиковалась, ничего не сделают. Это лишь паллиатив. Им необходимо освежение аппарата, при чем освежение людьми свежего опыта и новой культуры. Раза два я уже слышал от выступающих довольно серьезных противников подчеркивание того, что мы за пять лет износились, и теперь нужны люди свежие, а свежих мало. Один из них даже прямо сказал в дискуссии: сверловцы, мол, пока еще подрастут, а старики изнашиваются, а вот мы готовы,—и культура у нас есть. Ваши нынешние советские вожди—интеллигенты, и мы сменовеховцы—тоже интеллигенты, почему же мы не можем теперь стать „суб'ектами вместо об'ектов"?

Сменовеховцы.

Все это переходные к сменовеховцам явления. Но я еще хочу в нескольких словах остановиться на самих сменовеховцах. Вы знаете, что сейчас принято представлять дело так, что сменовеховцы почти что чуть ли не коммунисты. Наша печать в начале допустила в этом отношении некоторые ошибки.

Конечно, правильным было и остается правильным поддерживать ту часть буржуазной интеллигенции, которая по своему „признает" Советскую власть, которая по своему хочет приложить свои силы,—пусть даже с известными задними мыслями,—к нашему хозяйственному строительству. Всякий, кто хочет помочь нам бороться с невежеством, кто хочет помочь, хотя бы в небольшой степени поднять наше хозяйство, всякий такой деятель приветствуется нами и всякому такому мы должны сказать, честь и место. Но тем не менее, мы должны трезво смотреть на то, что можно и чего не следует ждать от сменовеховцев. Было бы коренной ошибкой ждать от них, что они действительно, в какой бы то ни было мере станут поддерживать коммунистическую партию.

Что же касается коренного вопроса, вопроса о судьбах НЭП'а,—о том, что будет с Советской страной в результате этого НЭП'а—в этом коренном вопросе сменовеховцы стоят заодно с меньшевиками и эс-эрами. Они убеждены, что постепенно возродится буржуазная демократия и т. д. И наиболее умный их представитель Устрялов высказывает это с полной, не оставляющей желать большего, ясностью. В „Альманахе Русской Жизни“ он пишет: „Знаменитый НЭП есть предвестие хозяйственного оздоровления страны. Он—компромисс идеальных достижений революции с реальными. Пусть многочисленны пороки его практического проведения в жизнь,—они не смогут уничтожить его внутреннего смысла, его исторической миссии. Он приведет к окончательной всецелой национализации революции, т.-е. опять-таки к неизбежному „возвращению“ потерянной России“. Даже некоторые из его сторонников спрашивают: что он понимает под потерянной Россией. Понимает ли он самодержавную Россию, о которой один из контр-революционных поэтов недавно написал: „Хозяин вышел погулять, но хозяин скоро вернется“? Конечно, Устрялов так не понимает, он ждет **буржуазного хозяина** и на него надеется.

Такие заявления вы найдете в целом ряде других статей сменовеховцев.

Теперь прошел уже год существования этого политического течения. Вы должны суметь посмотреть на него диалектически: сменовеховство в известном смысле играет положительную роль; это было и остается фактом. Поскольку оно—не оголтелая звериная ненависть к рабочему классу, поскольку буржуазная интеллигенция переходит с прямых путей открытой гражданской войны против нас на известное сотрудничество, пусть даже с некоторой задней мыслью,—роль сменовеховцев была и остается крупной. Мы это должны видеть все.

В одном эс-эровском журнале я читал статью Лебедева об эмиграции. Статья ценна по своему фактическому материалу, она доказывает, что два миллиона человек, живущие там, действительно отражают все те направления контр-революции, которые мы видим внутри России. Теперь бы, пожалуй, не стоило боль-

ного труда добиться ускорения возвращения эмиграции в Россию. Вопрос только в том, так ли это необходимо сейчас для Советской страны

Роль эмиграции, которая имеет значительное количество культурных сил, но удерживает их, не мешая итти на работу, в известной мере и с известными изменениями напоминает роль чехо-словацких легионов в деле построения Красной армии. Чехословаки, нападая на нас, подгоняли нас к строительству Красной армии. Так и с культурной работой. То обстоятельство, что мы видим со стороны эмигрантской интеллигенции стачку скрещенных рук,—мы, мол, остаемся там, не поможем вам нашими спасительными знаниями, не дадим ничего вашей „вшивой" Советской стране,—может быть это поможет в том смысле, что подтолкнет нас скорее создать свое в этой области, как чехословацкие легионы подтолкнули создавать скорее Красную армию.

В деле дифференциации буржуазной интеллигенции сменовеховцы играют почтенную роль, но вместе с тем, у сменовеховцев, которых многие считают чуть ли не большевиками, есть определенные буржуазно-реставраторские ноты, и вся их программа есть буржуазная программа. Они ждут постановления **буржуазной** России, будут подстерегать нашу революцию в этом смысле на каждом углу. Это мы должны видеть, и только тогда мы будем правильно поступать, когда, не отказываясь от сотрудничества, мы, вместе с тем, поставим воспитание собственной партии так, чтобы не было представления, что даже этот слой буржуазии примирился с коммунизмом.

Кооперация.

Два слова о **кооперации**. Мы говорили об этом на конференции довольно много, и я подчеркну здесь только самое необходимое. Мне сдается, что мы не дооценили роли кооперации, как базы антисоветских партий и течений в широком смысле этого слова. Меня убедила в этом речь тов. Осинского, который говорит, что у нас в сельско хозяйственной кооперации нет эс-

эровской опасности. Как мог Осинский сделать такую ошибку? Мне кажется, это не индивидуальная ошибка Осинского, но доказательство того, что все мы, как партия, еще недостаточно внимания уделили новому повороту событий, тому, что есть нового в политике, тем новым формам борьбы меньшевиков и эс эров и вообще антисоветских сил против нас, о которых я говорил.

Конечно, мы должны переходить к вопросу кооперации, прежде всего, с точки зрения хозяйственной. Российская Коммунистическая Партия не только не откажется помочь кооперации, а отдаст все силы, чтобы поднять ее до наивысшей мощи, чтобы все силы государственного аппарата пришли ей на помощь. Это наш долг, это необходимо для Советской страны. Но мы должны видеть и политическую сторону. Я приведу цифры. **На первом всероссийском с'езде сельско-хозяйственной кооперации прошлым летом** (правда, мы тогда еще меньше обращали внимания на нее, чем сейчас, что облегчило борьбу нашим противникам) из 84 делегатов с решающим голосом было 32 эс-эра, 25 кадетов и монархистов, 21 беспартийный и невыясненных и два коммуниста. Как же может тов. Осинский говорить, что дело обстоит хорошо? За текущий год мы не особенно продвинулись вперед. Мы имеем данные, что часто на кооперативных с'ездах происходит только борьба между эс эровским и кадетским блоком, а мы почти отсутствуем.

В сельско-хозяйственной кооперации мы еще очень слабы. Об этом надо говорить, об этом надо кричать, партия это должна знать.

То же самое с промысловой кооперацией.

Передо мною две в высшей степени интересные книги заграничного издания, Тотомианца и Орлова. О Тотомианце не буду много говорить, скажу только, что этот чудак доказывает, что следующий этап эволюции большевиков—это переход от „государственного социализма или коммунизма к кооператизму“ и т. д.

Одним словом, по Тотомианцу, мы эволюционируем к „кооператизму“. Куда только мы не „эволюционизируем“ с точки зрения наших врагов? А мы на деле остаемся на своем месте.

Орлов,—старый организатор контр-революционной кооперации, всем вам хорошо известный,—написал книжку под заглавием: „Начало возрождения кооперации в России“, только что вышедшую в Лондоне в издании об‘единенных комитетов русских кооперативных организаций в Англии.

Из этой книжки становится ясным, как они оценивают положение. В потребительской кооперации—говорит Орлов,—коммунисты имеют солидную позицию. В потребительской кооперации не так легко будет с ними бороться. В ней они будут опираться на рабочих. Другое дело—сельско-хозяйственная кооперация. О ней он говорит определенно: это кооперация наша... Выбрали, мол, правление из 9 членов и совет из 13 членов, потом ввели, как представителей власти, 2—3 коммунистов. Большинство членов правления совета состоит поэтому из лиц, хорошо известных старой кооперативной России.

Товарищи! Они известны не только старой кооперативной России. Они хорошо известны старой рабочей России. Мы знаем их в роли прислужников Чайковского и Ко. Мы знаем роль сибирских маслоделов, которые два миллиона дали Колчаку на организацию белой армии.

Таким образом, на этот счет строить какие-либо иллюзии было бы большой ошибкой. При нынешнем переплете социальных сил сельско-хозяйственная кооперация невольно может стать той ячейкой, где найдет приложение новая тактика эс-эров и меньшевиков—„врастание“.

Мы это должны ясно видеть.

Я, конечно, не хочу сказать—долой кооперацию, или давайте применять „хирургию“ к кооперации. В этом отношении прав был тов. Осинский,—и тут мы все сойдемся,—когда заявлял, что завоевать кооперацию просто путем репрессий нельзя.

Вообще мои тезисы никто не должен рассматривать, как идеологию репрессии. Теперь не 1918 год. Дело сложнее, пере-

плет поинтереснее; одними репрессиями невозможно ничего добиться. Конечно, на $^9/_{10}$ вопрос идет о деловой работе и сводится к тому, чтобы дать лучших работников, чтобы они научились строить настоящую кооперацию и т. д.

Вместе с тем необходимо ясно видеть: вот они, эти потенциальные об'екты эс-эров и меньшевиков, возможный источник их сил и энергии. Вот они, эти „общественные" с'езды буржуазно-демократической интеллигенции. Вот она буржуазная литература, которая высунулась чуть-чуть на поверхность, вот высшая школа, вот кооперация. Я назвал эти четыре отрасли нашей теперешней общественной жизни, наиболее важные в нынешней обстановке, в нынешнем этапе нашей революции, могущие стать на время базой антисоветских партий, партий, которые пока стихийно, а потом сознательно придут к политике тихой сапы политике „использования" нашей советской легальности, которая нам нужна, которую мы строим, но которую мы вместе с тем будем всячески ограждать и принимать все меры предосторожности.

Меньшевики и эс-эры говорят: при Столыпине „использование" было, почему это не может быть сейчас? Они маленького не видят, они не видят „маленькой" разницы, заключающейся в том, что нынешняя власть есть власть трудящихся масс, что у власти стоит партия рабочего класса, вооруженная методом марксизма. Метод этот дает возможность видеть события даже тогда, когда они только зарождаются, когда мы видим только первоначальную тенденцию. Несколько вульгарно выражаясь можно сказать, что с помощью метода марксизма мы сможем видеть на несколько верст под землей.

Где должны быть наши взоры.

В чем заключается теперь наша задача? Наша задача заключается в том, чтобы все это увидеть, чтобы принять контрмеры, чтобы обратить на это внимание рабочего класса.

Но для чего это нужно? Необходимо, чтобы партия наша

сознавала, что революция еще находится в опасности, и в каком смысле она находится в опасности. События в Гааге показали эти опасности. Там капитал грубо пред явил нам векселя почти полной реставрации. До процесса эс-эров мы сами не знали даже, мы лишь поверхностно представляли себе это, а также и то, что представляет из себя работа партии эс эров. Даже мы не могли знать, что это настолько просто, настолько грубо, что Центральный Комитет партии эс-эров нанимается к министру Бриану или министру Бенешу; связь между партией эс-эров и международной реакцией доказана вполне. То же вообще с антисоветскими силами. В этом отношении революция продолжает быть в опасности. Этапы, которые проходит Советская Россия, чреваты этими опасностями.

Смысл первой нашей задачи заключается в том, чтобы мы эту опасность сознали, чтобы у нас не было преувеличенного представления о своей крепости. Мне кажутся знаменательными выступления Горького, Анатоля Франса и вообще некоторых наших полу-друзей, которые заявляют о том, что мы настолько крепки, что нам нечего бояться противников У нас есть противники, которые отстраняются от нас, когда считают нас слабыми и имеются полу-друзья, которые выступают против нас, когда им кажется, что мы слишком сильны. Многим кажется, что все споры теперь окончены, что можно всех помиловать и погладить по головке. Поэтому теперь наступает необходимость, в связи с общим положением, в связи с событиями в Гааге, проникнуться сознанием, что революция еще находится в опасности, что возможны еще всякие реприманды, вплоть до интервенции, и что международной капитал будет пытаться при поддержке внутренних антисоветских сил взять нас с руками, измором заставить нас возвратить им частную собственность. Вот то, что нам нужно видеть прежде всего.

Выступления наших врагов заметны не только в Москве и Петрограде, но и в каждой губернии. В одном случае-это не так ясно, в другом не такие известные имена; вы в провинции не можете столкнуться с резолюциями целых „общественных" с'ез-

дов, с большими журналами, но всюду вы увидите попытку обойти вас с тыла. Это надо сознавать.

Необходима ударная работа в тех отраслях, которые являются потенциальными источниками враждебных нам сил. Наша партия была всегда ударной. Наступил момент, когда мы должны понять, что ударными отраслями работы является кооперация, затем—высшая школа, литература. В этой области наша партия должна проделать сейчас ударную работу. Само собою понятно, что бороться против буржуазной литературы одними репрессиями нельзя. Таким путем многого не добьемся. Жажда знаний возникла в среде рабочих и в среде крестьянства. Она должна была проснуться, и следует отметить, что эта жажда знаний—громадная сила.

И уж, конечно, не мы, руководители революции, будем поворачиваться спиной к этому движению. Нельзя отделываться фразами, что вся профессура контр революционна, что литература контр-революционна и что врачи тоже контр-революционеры. Та жажда знаний, которая сейчас просыпается, и которая может стать могучим фактором, она есть результат революции; это новый фактор, которому партия должна пойти навстречу.

Строго различить, кто наш враг.

Дальше нам необходимо крайне дифференцированное отношение к нашим противникам, т. е. умение различать их.

Нам на это скажут грубо: вы нас расколоть хотите. Гоц на процессе заявил, что ни одна партия не производила столько расколов среди других партийных группировок, как партия большевиков. Всякий, кто к нам приближался, тот политически погиб. Он этим невольно отдал дань силе и сплоченности нашей партии. Конечно, мы знаем, что противники будут истолковывать нашу политику, как политику хитрости и раскола и т. д. Нет, скажем мы. Тут дело идет не о хитростях, а об об'ективных, глубоких общественных явлениях, о целом ряде расслоений. Происходит большая расслойка. Мы не должны теперь все поли-

тические группировки и течения мешать в кучу, мы не должны говорить, что все кошки серы, что вся интеллигенция контр-революционна, что все врачи против нас, что все профессора, все писатели против нас. Это далеко не так. Громадная, могучая революция, когда она входит в полосу реального достижения своих завоеваний, не может не привлечь к себе значительную часть того, что есть лучшего в этих слоях. И мы будем их привлекать. Здесь все дело в том, чтобы мы сумели присмотреться и прислушаться внимательнее не только к каждой отдельной группе, но и к каждой отдельной личности: по-товарищески подходить к ним, оказывать им поддержку и понимать, что это неизбежно, что таким путем необходимо удовлетворить культурным потребностям страны, вызванным революцией. Это есть важнейшая задача партии.

Если мы сейчас начнем с чисто большевистской основательностью изучать каждую группу, каждый журнал, от уезда до столиц, если мы будем чутко прислушиваться к тому, что делается, то мы пойдем навстречу насущным потребностям и выполним нашу задачу. Может быть, вы вспомните о так называемом „Прокукише“, т. е. о всероссийском комитете помощи голодающим. Это была первая ласточка этой общественной весны. И, вместе с тем, это была первая попытка меньшевиствующих элементов использовать эту организацию против нас, но мы сумели взять от них для помощи голодающим все, что можно было, и когда обнаружилось, что часть этой организации хочет упорно продолжать контр революционную тактику, мы применили к ней свои меры. А когда госпожа Кускова прибыла в Берлин, она защищала наполовину Советскую Россию, когда увидела, как черезчур по-суздальски ее изображает тамошняя белогвардейская братия.

Нам необходима не суммарное, не суздальское отношение к этим группам, нам необходима строжайшая товарищеская поддержка всех тех начинаний, всех тех групп, всех тех отдельных лиц, которые действительно показывают, что они искренно хотят помочь советской стране, которые поняли, хотя бы в самых грубых чертах, значение октябрьского переворота.

Говорить об этом в 1918 г. было бы смешно. Говорить об этом в начале 1921 г. было бы бесполезно, а к концу 1922 г, ко дню пятилетия нашей революции, об этом нужно говорить. Это новая политическая задача.

О репрессиях.

И только в сочетании со всеми вышеуказанными мерами имеет значение репрессия.

Что мы полностью отказываемся от репрессий, мы ни в каком случае, конечно, говорить не можем и говорить не должны. К нам тоже применяли репрессии меньшевики и эс-эры, но эти репрессии не добили нас. Почему? Да потому, что мы выражали лучше всех назревшие и почти осознанные интересы рабочего класса и части крестьянства. Жизнь была за нас. Мы выражали то, что созревало в стране. Поэтому репрессия по отношению к нам не добила нас, а помогла нам. А наши репрессии, почему они уничтожают меньшевиков и эс-эров? Потому, что они представляют собою вчерашний день революции. Когда головни догорают, попытайтесь затоптать их сапогом, и вы заглушите их совсем. Но когда пламя вспыхивает, и когда меньшевики и эс-эры дуют на него, как это было в июльские дни, это пламя еще больше разгорается. Вот почему мы не думаем отказываться от репрессий. Но они должны занять не то место теперь, какое занимали в эпоху военного коммунизма. Мы умели прибегать к решительным мерам в разгар гражданской войны. Теперь мы можем прибегать и к более сложным, не таким механическим мерам.

Вот предо мною книга меньшевиствующего профессора Тахтарева „Общество и его механизм". Книжка, в общем, довольно глупая: смесь бернштейнианства, толстовства, „социологии" Ковалевского и т. д. Но даже и он понял, что такое партия, как образуется государство, какую роль при этом играет насилие. Он понял это потому, что слишком наглядно происходило дело за эти последние пять лет. Вот что он пишет о репрессиях:

„Чтобы уничтожить партию, нужно уничтожить не столько самые общественные группы, организующиеся партийным образом, сколько дезорганизовать и разрушить ту партийную машину, которая представляет собой внутренний, двигающий механизм любой партии. Разрушение этого механизма лишает партию всякой силы и способности к проявлению себя в действиях, практически уничтожает ее дееспособность". И он описывает подробно механизм партии. Он говорит, что партия требует руководителей, деятелей, исполнителей директив, указаний, агентов и т.д. и т. д., одним словом—оргбюро.

Мы, конечно, никогда не стремились к тому, чтобы уничтожить общественные группы, на которые опираются эс-эры. Это смешно было бы и думать. Конечно, эс эры опирались на крестьянство. Разве мы можем говорить о том, что нужно уничтожить крестьянство? Нисколько. Поэтому мы должны перейти к системе комбинированных мер, когда, осознав все положение, мы сумеем привлечь все то, что может перейти на сторону Советской власти. Если мы будем энергично работать в тех четырех отраслях работы, о которых я уже говорил; если мы бросим на эту работу достаточное количество сил; если мы уделим ей достаточно внимания; если мы затем пойдем навстречу той громадной пробуждающейся жажды знания, которая имеется в нашей стране в нынешней полосе революции; если мы сумеем шаг за шагом в этой полосе работать; и если мы рядом с этим будем делать по отношению к нашим врагам то, что так ясно выражается у Тахтарева,—тогда будет, действительно, настоящее применение марксистского метода. Вот те практические предложения, которые я имею сделать.

Наши враги надеются свергнуть нас путем раздоров в нашей организации.

Теперь несколько слов, касающихся наших внутрипартийных отношений. Для того, чтобы провести предложенную такти-

ку, которая требует, конечно, громадной массы усилий и комбинированных действий, для этого необходима одна предпосылка—необходима предпосылка внутрипартийная. Необходимо, прежде всего, серьезное, правильное, ясное и здоровое отношение к НЭП'у. Все то, о чем я говорил,—осью его является НЭП. Все это вертится вокруг НЭП'а. Он создает для буржуазии обстановку, дает почву для легальной литературы, выдвигает нынешнюю роль кооперации, высшей школы и пр. и пр. Для того, чтобы мы могли проделать всю работу в новой обстановке; для того чтобы мы могли в короткий срок решить задачу политической ликвидации наших противников,—для этого нужно более дельное отношение к НЭП'у, чем было до сих пор.

Год тому назад замечалось почти полное непонимание НЭП'а. Теперь мы сделали громадный шаг вперед. Но и сейчас нельзя сказать, что есть цельное и ясное отношение к НЭП'у в партии. В своих тезисах я употребляю следующее выражение, которое, может быть, годится только для внутреннего употребления. Я говорю так мне сдается, если посмотреть на то, что делается у нас в партии, можно отметить, что есть в ней группа, которую можно назвать „партийными праведниками", которые по отношению к НЭП'у говорят: миновала бы нас эта чаша подальше бы от этого, НЭП'а, мало в нем коммунизма, и откуда это свалилось, лучше бы нам не пачкать рук и т. д. И рядом с этими товарищами есть группа, которую я назвал, не знаю—удачно или нет, для вежливости „чрезмерными реалистами" в кавычках, эти товарищи —в упоении от НЭП'а и считают, что свалилось то, что они ожидали. И они часто забывают, что мы смотрим на НЭП, как на известный исторический этап Последняя группа „реалистов" слишком припала к чаше НЭП'а.

Я думаю, что эти два уклонения существуют. Когда у нас на конференции шли прения о профсоюзах, о кооперации, мы слышали это в прозаических терминах: „отрыв хозяйственников от партии, от профсоюзов" и наоборот. Я считаю абсолютно неправильной тенденцию, которая просачивается в профсоюзах, чтобы в правление профсоюзов не выбирать хозяйственников-

коммунистов. Этого делать нельзя. Мы узаконим деление в партии, которое чревато громадными опасностями. Хозяйственники ведут преступную политику, когда говорят рабочим, приходящим к ним с требованием увеличения заработной платы: я бы увеличил, но Советская власть столько налогов наложила, что я платить не могу. И тоже профессионалист, когда он говорит: я стою за тебя, но хозяйственник не дает. Эти явления не так, чтобы смертельны, но их надо видеть, и тогда мы их поборем.

Тем белоручкам, которые говорят: откуда взялся этот НЭП, лучше миновал бы он нас, надо знать, что НЭП—не наносное явление, он не с неба свалился, НЭП—это этап в истории русской революции, продиктованный всем соотношением сил не только в нашей стране, но и на международной арене. Наши товарищи практики должны это тоже понять. Из-за чрезмерного „реализма“ они могут оторваться от партии или от профессиональной организации. Такой отрыв чреват громадными опасностями. И в той и в другой области надо преодолеть стоящие перед нами трудности. Конечно, легко сказать—преодолеть, когда в живой жизни на каждом шагу мы наталкиваемся на жизненные противоречия. Но нам надо ясно видеть эту задачу.

Должен еще сказать, товарищи, о наших маневрирующих меньшевиках и эс-эрах, которые еще не окончательно избрали путь врастания, но которые к нему идут.

У них главный расчет на то, что происходит в н у т р и нашей партии. Они все еще продолжают надеяться, что может-быть, отсюда будет что-нибудь для них выгодное. В последнем номере „Социалистического Вестника“ и Мартов, и Дан заявляют, что „настоящие социалисты в рядах РКП в последнюю минуту поймут“ и т. д. О рабочей оппозиции Мартов пишет: „Только, когда находящаяся сейчас в рядах большевистской партии часть рабочего класса откристаллизуется в отдельную, хотя бы утопическо-коммунистическую,—но пролетарски-классовую партию, *вопрос об едином пролетарском фронте в России примет тот же вид, что и везде*“. Другими словами, по Мартову, пусть рабочая *оппозиция*, пусть будут утописты-синдикалисты, но пусть она

хоть чтолибо образует свое, т.е. сделать раскол в нашей партии. Более того, орган Струве который я вам цитировал, тоже занимается этим вопросом. Торговый комитет, сидящий в Париже, называет рабочию оппозицию „революционным движением внутри коммунистической партии". Он говорит что „в этом недоверии нынешней нашей политике есть вполне здравый инстинкт" рабочих. Для них всего желательней примитивный рабочий, который не видит дальше своего пятачка, который образует свою утопическо синдикалистскую партию.

Наши враги возлагают на это большие надежды. Мартов в последнем номере „Социалистического Вестника" пишет статью под заглавием „Проблема единого фронта в России". Я давно не читал у Мартова таких спокойных „социалистических" обобщений, которые дает в этой статье Мартов. Тут есть идея меньшевизма в чистом виде. Мартов говорит: что такое „единый фронт»? В Западной Европе единый фронт—это об'единение всех рабочих партий. В России—это об'единение рабочего класса и крестьян. Возможно ли оно? Возможно. Каким образом? При об'единении большевиков и эс-эров, потому что большевики и эс-эры одинаково-де связаны с мелкой буржуазией, с той только разницей, что большевики больше связаны с пролетарской частью, а эс-эры наоборот. А мы-де, меньшевики, чистая рабочая партия. Конечно, мы де в меньшинстве. Далее об об'единении эс-эров и большевиков Мартов говорит: „Исторический момент, переживаемый ныне страной, делает об'ективно возможным сближение двух далеко-разошедшихся флангов одного, по существу, класса. На одном полюсе выветрились иллюзии коммунизма, на другом—иллюзии интервенции, вооруженного свержения большевизма при содействии или путем „использования" недемократических сил".

И вот теперь, мол, как раз настал момент для об'единения.

У Мартова сейчас происходят совещания с эс-эрами под председательством Дана, и потому мы не удивимся, если узнаем, что эта статья *является плодом коллективного творчества* Мартова, Дана и Чернова.

Вот как представляется меньшевизм в чистом виде. Вот как думает Мартов, когда он убеждается, что свергнуть нас дело не простое и обойти с тыла тоже не легко. Но само собою разумеется, что предлагаемая Мартовым дорога—не наша дорога. Мы знаем, что НЭП, как историческая эпоха,—чревата опасностями. При НЭПе наши враги могут опереться на те или иные слои. Мы знаем, что рабочий класс распылен, но мы также знаем, что у нас первый урожайный год после гражданской войны, и мы уверены, что на с в о е м п у т и мы получили полную победу.

Я слышал от ответственнейших руководителей нашего хозяйства, вовсе не от оптимистов, что у нас хозяйственные дела на местах не только начинают поправляться, но даже поправились на местах. Конечно, не надо чрезмерно обольщаться этими надеждами, прорех у нас масса. Мы недавно обсуждали проект о том, что надо начать восстановлять города в Советской России, и это не один не два города. Но ясное дело, что у нас первые победы в этой области уже одержаны. Что нам нужно, что все решает—так это положение внутри партии. С каких бы самых отдаленных вещей ни начинать,—приходишь к тому, что здесь узел, и это отлично понимают и российский финансово-промышленный комитет в Париже, и наши враги из лагеря эсэров и меньшевиков в России и 2-го и 2½ Интернационалов. Если внутри нашей партии будет правильное понимание НЭП'а, если партия будет правильно применять все средства, если мы, вооруженные методом марксизма, сумеем его применять так, чтобы и в 1922 году двигаться вперед, тогда наша задача будет полностью разрешена. (Аплодисменты).

Заключительное слово тов. Зиновьева.

— В речах некоторых товарищей звучали ошибочные ноты, на которых необходимо остановиться. Особенно выпукло это представлено, мне кажется, в речах двух товарищей—тов. Осинского и тов. Ломинадзе. Тов. Осинский говорит, что нам нужно научиться стать „общественными деятелями“, нужно выработать приемы общественной работы... „Суметь стать общественными деятелями!“—Это говорят нашей партии, которая существует 25 лет, как партия, и гораздо более, как направление, которая руководит величайшим движением в мире! Разве это не общественная деятельность?! Повидимому, „общественность“ у т. Осинского должна звучать как-то особо—как общественно земское и т. п. Революционная партия, проделавшая две революции, а то и три (если считать революцию 1905 года), как руководитель рабочего класса,—разве она не чувствует себя „общественным деятелем“?! Мы—революционно-общественные деятели в лучшем смысле этого слова. Общественный деятель, т. е. деятель, связанный с определенным революционным классом—это мы. А у огромного большинства буржуазно-демократической интеллигенции, меньшевиствующих, когда они говорят об общественной деятельности, то пред ними витает фигура Петра Струве, эпохи земских с'ездов и „союза освобождения“. Все это—безвозвратное прошлое. И призывать наше новое молодое поколение, которое нарождается и складывается на наших глазах, призывать его к тому, чтобы

оно хотя одним глазом смотрело на прошлое и гордилось званием прошлого „общественного деятеля"—это ошибка.

Другая неверная мысль проскользнула в речи тов. Ломинадзе и отчасти в речи тов. Лисовского—это относительно репрессий. Я изложил целый ряд мер и сказал, что только в комбинации всех этих мер репрессии могут получить свое полновесное значение. Если мы сумеем одновременно завоевать и высшую и среднюю школу—начать, по крайней мере, отвоевывать, если мы сумеем разделить противника и то, что близко к нам, перетянуть на нашу сторону; если мы сумеем в ударном порядке собрать достаточно сил, чтобы бросить их в те отрасли работы, которые потенциально могут стать источниками сил для наших врагов; если мы сумеем изучить своего противника, применить ряд новых методов,—то вместе с этим система репрессий получит свое назначение.

Вы видите, что положение в 1922 г. другое. Само собою понятно, что если на с'езде врачей выступают люди с открыто контр-революционными речами, Советская власть не может оставлять их безнаказанными. Вместе с тем, смешно было бы думать, что Советская власть может обойтись без врачей, или что врачи обязательно все, либо большинство, должны быть и будут против нас. Почему, в самом деле, на 5-м году революции мы не можем внимательнее отнестись к этому слою необходимых нам работников для того, чтобы помочь тем, которые могут придти и придут к нам,—которые, может быть, не станут коммунистами, но станут и становятся честными работниками Советской России? Это было бы в высшей степени упрощенное отношение к делу. В особенности, если бы мы по отношению к таким элементам, как сменовеховцы, поступали бы так, как предлагал тов. Ломинадзе,—это было бы явной ошибкой. В самом деле, я приводил ряд цитат и заявлений, указывающих на то, что сменовеховская идеология, та часть буржуазии, которая идет за сменовеховцами, твердо убеждена и

расчитывает на то, что наша новая экономическая политика кончится новой, если можно так выразиться, политической политикой, т. е. вслед за экономическими уступками буржуазии будут уступки политические, возродится „демократия“ в чистом виде. Это мнение—вредное, буржуазно-реставраторское, я говорил в своих тезисах. Но, товарищи, победить эти идеи путем репрессий невозможно. Это—верх наивности. Если мы говорим, что мы должны научиться изучать своих врагов, видеть ту дифференциацию и расслоение, которое происходит в лагере противника, которое не мы создали, а создала вся обстановка и пять лет победоносной революции; если мы сказали, что это необходимо, то надо уметь применять это на деле. Ведь, сменовеховство есть в данном случае чрезвычайно характерный симптом дифференциации в среде буржуазии.

Это не секрет, сменовеховцы—не коммунисты не полукоммунисты, и даже не четвертькоммунисты. Они—идеологические противники коммунистов. Но, в тоже время, они являются элементом новым в среде буржуазии. Там происходит брожение, расслоение. Это—факт.

Все мы понимаем, что дело идет об общественном явлении, которое только начинается, и результаты которого мы пристально будем наблюдать, и будем оборонять позиции рабочего класса, будем внимательно следить за развитием событий.

Здесь цитировали слова т. Ленина о расстреле, которые полностью остаются в силе. Нужно только, чтобы Советская власть знала, когда, кого, где, при каких обстоятельствах расстреливать. Вот и только. Но тот же т. Ленин указывал и на многое другое. Он говорит, что было бы наивно думать, что мы можем коммунизм насадить руками только коммунистов и коммунистической партии. В белогвардейской меньшевистской прессе это заявление изображали, как внезапное—вдруг коммунизм и не руками коммуниста. Так и есть. Когда тов. Ленин в брошюре говорит, что мы 200000 чле-

нов сумели управлять Россией, что он хотел сказать? То, что 200000 коммунистов сумеют управлять Россией и насаждать коммунизм не только своими руками, они сумеют учитывать соотношение сил в стране, сумеют заставить работать на нее те силы, которые ходом истории поставлены в необходимость работать на нее. Но нельзя забывать, что мы вступили в новый период. Больше года окончена гражданская война, но она может снова начаться. Это показал исход Гааги. О том же говорит и поведение эс-эров.

Но сейчас идет вопрос о том, чтобы наша партия сумела завоевать кооперацию, и, конечно, надеяться завоевать ее при помощи одних репрессий смешно.

Конечно, мы не зарекаемся от репрессий, и каждый белогвардеец-кооператор должен знать, что, если он вздумает использовать кооперацию в целях восстановления старого режима, то его постигнут репрессии. Но кооперация—это громадная махина, опирающаяся на определенные слои, и тут надо суметь ее завоевать своей работой годами.

Профессиональные союзы являлись все время для нас более родной стихией, чем кооперация. И завоевание их длилось больше 10 летия! Лишь накануне Октябрьской революции мы стали приобретать большинство в профессиональных союзах! Кооперация по социальному составу более отдалена от нас. Партия работала там гораздо меньше, чем в профессиональных союзах. Мы там слабы, и мы должны бросить туда максимум сил, чтобы завоевать ее. Вот почему медвежью услугу оказывают нам те товарищи, которые пытаются все затруднения разрешить путем репрессий. „Ты—большевик, и у тебя есть кружок Поганина. И ты это терпишь“

Да, мы знаем. У нас, в Питере, есть профессора, которые делают доклады в том смысле, что Лига Наций—есть демократический орган, что русско-германский договор—есть обман русского народа. Да, это делается в Питере, перед тысячной студенческой аудиторией. И эта „академическая“ агитация

идет параллельно с базарной контр-революционной агитацией: в хвостах пускались листки в таком же духе, что русско-германский договор—есть обман России.

Они пытаются кафедру обратить в свою кафедру. Это надо видеть, и это надо уметь уничтожить не только репрессиями, от которых мы не отрекаемся, но надо уметь побеждать и другими способами, выделив из своей среды людей, умеющих эту кафедру отвоевать.

В 1920—1921 годах об этом было просто смешно говорить. В то время мы людей с профессорскими наклонностями просто отправляли на фронт. У нас коммунисты астрономы были на фронте и там погибали. А в 1922 году—дело другое. В 1922 году мы должны действительно этой командующей высотой овладеть. При кооперации устраиваются всевозможные институты, в Петрограде, в Москве, Екатеринбурге. В этих институтах—мы это можем открыто признать, нам нечего скрывать, не зачем в прятки играть, и противник знает нашу осведомленность,—в этих институтах ведется систематическая контр-революционная работа. И мы такие институты закрывали, и будем закрывать. Но гораздо важнее не просто закрывать кооперативный институт, важнее создать свой потому, чтобы поставить кооперацию хорошо в нашей громадной крестьянской стране; чтобы двинуть новых подготовленных деловых работников, для этого необходимы не только репрессии, но и нечто иное. Иначе мы не можем овладеть кооперацией. Вот почему я возражаю тем товарищам, которые высказывались здесь, по внешности, столь радикально. Я думаю, нужно предостеречь их от ошибки.

Сила нашей партии заключается в том, что в решающий момент, когда нужно было решать дело винтовкой, она умела эту винтовку вырвать и держать, сила нашей партии в том, что когда нужно было сломить спинной хребет противнику самыми беспощадными мерами, она не останавливалась перед ними. Сила нашей партии в том, что ког-

да нужно было взять власть в руки, она не побоялась это сделать Она взяла твердой рукой эту завоеванную власть. Эта власть—есть инструмент, орудие. Орудие чего? Орудие рабочего класса для переустройства нашей громадной страны, являющейся $1/_6$ частью всего земного шара, на новых началах. Я говорил о той жажде знания, которая чувствуется теперь на каждом шагу, в каждом городе, в каждом уезде и, я думаю, в каждой волости, В общем и целом она чувствуется по всей России. Это громадный новый фактор. Конечно, в конце 1917 г. и в 1918 году этого не было, а если и было, то было придавлено другими злобами дня, но теперь это есть, и горе было бы нашей революционной партии, если бы она не увидела этого нового и не сумела пойти ему навстречу. Посмотрите, молодой рабочий, молодой крестьянин, молодой курсант, который десятками тысяч наполняет нашу армию, который является костяком нашей армии. В этой полукрестьянской, полурабочей интеллигенции мы, действительно, имеем новый залог этой жажды знания, они хотят припасть к этому источнику знаний и им преподносят отравленный сосуд эти Тарле, последователи Потанина в Сибири или в Екатеринбурге, или на Украине. И в крупных городах, почти во всех бывших университетских городах, там повсюду пытаются преподнести этому молодому рабочему курсанту, этой молодой рабочей интеллигенции, и полурабочей и полукрестьянской интеллигенции— ковш с отравой. Но что мы должны сделать? Мы должны все пойти навстречу этой жажде знания. Сейчас, когда мы ставим эту задачу, она, вероятно, покажется многим из вас, товарищи, непосильной и вы скажете: у нас полтора человека на уезд, мы вот и на должность председателя губисполкома не можем найти подходящего человека, у нас состав губкома слишком молодой и ему нужно оказывать поддержку. Действительно, людей нет. Сейчас, когда мы ставим впервые эту задачу, многим из товарищей в нашей партии она покажется утопически неразрешимой. Известно, что

уровень членов нашей партии не так, чтобы уж очень высок, мы провозгласили еще только первый год учебы, и эта учеба идет через пень колоду, если же взять нашу партию, как она вышла из голода, из гражданской войны и т. д., то она как будто бы и слаба, чтобы решить эту задачу. Но ведь мы сумели разрешить и более крупные задачи, сумеем разрешить и эту.

В течение нескольких лет нельзя обольщаться особенно большими успехами, но если мы сумеем сами удовлетворять те потребности, которые удовлетворить можно и надо; если мы сумеем претворять в жизнь начала Октябрьской революции (на это пойдет ряд лет), тогда мы сумеем разоблачить наших меньшевиков и эс-эров, которые пытаются нарядиться в душеприказчиков Октябрьской революции. Когда рабочие все, от мала до велика, увидят, что становится легче жить, они это начнут скоро видеть, когда мы, действительно, сумеем создать упорядоченное государство,—вот тогда, товарищи, мы сможем уже окончательно ликвидировать враждебные нам партии, как организованную силу. К этому дело сейчас идет. За первый год мы можем, не обольщаясь, констатировать только одно, что я сделал в прошлый раз. Они ожидали, что мы разлетимся вдребезги, что у нас будет классовая борьба внутри партии, будет невиданное разложение, дифференциация и т. д. Тем не менее, этого не наступило, несмотря на все трудности, которые мы переживаем. У них же продолжается дифференциация, разложение, разделение. И мы говорим, если мы будем хорошо и правильно работать, то у нас получится окончательная ликвидация всех антисоветских политически-организованных сил в России. Но, конечно, дело это высшей степени важное и ответственное и оно идет параллельно экономическому решению нашей задачи.

Когда мы в политическом смысле решим эту задачу, это будет означать уже нашу полную и абсолютную победу. И конечно, это будет идти в уровень с разрешением нашей

экономической задачи. Возвращаясь с конференции на места вы должны привезти с собой новые задания, целый ряд новых систематических мер, в число которых входит и репрессия. Вы должны, путем ряда систематических мер, подготовить окончательную ликвидацию организованных антисоветских сил, как политических факторов, и постепенное расслоение и разложение антисоветских течений и групп, взяв от них то, что может поддерживать Советскую власть, и отбросив от себя и раздробив окончательно то, что нам враждебно. (Аплодисменты).

Резолюция

по докладу т. Зиновьева об антисоветских партиях и течениях.

1) Подводя итоги первому году существования Советской власти в условиях новой экономической политики, РКП не может не обратить самого пристального внимания на то, какие новые группировки и перегруппировки образуются в антисоветском лагере, как эволюционирует и изменяется, в связи с новой полосой революции, тактика антисоветской партии, течений и т. п.

2) В общем и целом за последний год в антисоветском лагере обнаруживается начало серьезного расслоения. Раскол кадетской партии на правых и левых кадетов и образование, в связи с этим, двух отдельных кадетских центров за границей, появление сменовеховского течения среди определенной части буржуазии, начавшийся глубокий раскол церкви, чреватый серьезнейшими последствиями, разделение меньшевиков и эс-эров на ряд новых групп и подгрупп (левые эс-эры раскололись на две группы; в лагере правых эс-эров, на ряду с прежними группировками, определилась архи-правая группа Авксентьева, Керенского, Минора, Бунакова; в лагере меньшевиков выделилась справа группа „Заря" за границей и „внепартийна группа с.-д. в России" и намечается группа, критикующая меньшевитский центр „слева"), усиление дифференциации среди студенчества в России и даже среди эмигрантской части студенчества, усиливающаяся дифференциация среди верхов бывшего белогвардейского генералитета—все это, вместе взятое, является симптомом ослабления антисоветского лагеря и косвенным подтверждением упрочения наших позиций.

3) Но в то же время, первый же год существования Советской власти в условиях новой экономической политики принес с собою новые опасные явления, которые необходимо учесть. Антисоветские партии и течения частично меняют тактику: они пытаются использовать советскую легальность в своих контр-революционных интересах и держать курс на „вростание в со-

ветский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии и который, по их расчетам, сам идет к неизбежному буржуазному перерождению.

Все указанные процессы распада, разложения и перегруппировок в антисоветском лагере питаются не только уже давно обозначившимся отслоением некоторых групп буржуазной интеллигенции от старого блока генеральско-помещичьего крепостничества с крупной капиталистической буржуазией, но и процессом частичного восстановления капитализма в рамках Советского государства, порождающего рост элементов так-называемой „новой буржуазии" (торговцы, частные арендаторы, различные свободные профессии в городе и в деревне, деревенское кулачество и т. д.

4) Первый год существования Советской власти в условиях новой экономической политики, совпадший с тягчайшим голодом, с усилением международной капиталистической реакции, с пред'явлением Советскому государству грубо-реставратских требований от капиталистов правительств Антанты (Генуя, Гаага), подтолкнул на усиленную контр-революционную работу не только меньшевиков и эс-эров, но и политиканскую верхушку мнимо-беспартийной буржуазной интеллигенции. Опыт пресловутого всероссийского общественного комитета помощи голодающим („Прокукиш"), попытавшегося использовать легальную организацию помощи голодающим для целей контр-революции, был только первым шагом. На всероссийском с'езде врачей (май 1922 года), на агрономическом с'езде, на с'езде сельско-хозяйственной кооперации мы видели то же самое. Политиканствующие эс-эрс-меньшевистские или мнимо-беспартийные буржуазно-интеллигентские верхи пытались все эти с'езды использовать в интересах контр-революции.

5) Начало новой экономической политики вызвало бы у меньшевиков и эс-эров надежду на капитуляцию Р. К. П. и установление „демократической" коалиционной власти. Но по мере того, как все эти надежды оказывались иллюзорными меньшевики и эс-эры все больше впадают и впадают в авантюризм. С одной стороны, верхи меньшевиков и эс-эров заняли позицию крикливой „непримиримости" и пытаются организовать движение против Советской власти, критикуя ее с точки зрения лозунгов и надежд самой Октябрьской революции, фальшиво изображая свои партии, как единственные в нынешний момент организации, готовые бороться за реальное проведение требований, выдвинутых массами в годы высочайшего под'ема пролетарской революции. Этого рода агитация эс-эров и меньшевиков не имеет и не может иметь серьезного успеха в массах, в виду ее слишком очевидной фальши и в виду того, что среди самых широких масс трудящихся опыт нескольких лет гражданской войны породил достаточно реалистическое отношение к тому что выполнимо и что невыполнимо в переживаемое время. Этого рода агитация эс-эров и меньшевиков является только косвенной данью идеям большевизма, подтверждая громадную обязательность наших лозунгов среди трудящегося населения. Этого рода агитация в конечном итоге обернется против эс-эров и меньшевиков. По мере того, как общее улучшение обста-

новки поможет нам ускорить практическое выполнение положительной программы Октябрьской революции, для самых широких масс все яснее обрисуется предательская роль эс-эров и меньшевиков, на деле все время мешавших претворению этой программы в жизнь.

Но с другой стороны, те же эс-эры и меньшевики пытаются использовать легальные возможности советского строя и выдвигают Советской власти частичные требования. Легальные с'езды и „общественные" организации вышеуказанного характера служат для эс-эров и меньшевиков, а также для других контр-революционных групп и течений, вплоть до конституционно-монархических, ареной для проведения этой последней тактики „использования легальных советских возможностей".

6. В особенности анти-советские партии и течения пытаются использовать кооперацию.

Р. К. П. может и должна всеми силами помочь возрождению кооперации и укреплению ее хозяйственной мощи. Но Р. К. П. вместе с тем не должна ни на минуту закрывать глаза на то, что контр-революционные партии и течения, пренебрегая коренными интересами кооперации, пытаются превратить эту последнюю в оплот и организационную базу контр-революции. На всероссийском с'езде (25 губ.) верхов сельско-хозяйственной кооперации, происходившем летом прошлого года, за большинство боролись только две группы: одна эс-эровская, другая—конституционно-монархическая. И, в конце-концов, обе эти группы образовали единый блок. Приблизительно, такое же положение вещей до самого недавнего времени существовало в кустарно-промысловой кооперации.

Анти-советские партии и течения систематически пытаются превратить сельско-хозяйственную кооперацию в орудие кулацкой контр-революции, кафедру высших учебных заведений—в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды, легальное издательство—в средство агитации против рабоче-крестьянской власти и т. п.

Особенное внимание в этом отношении должно быть обращено на деревню, где на почве Нэп'а и развития кулачества, ставящего в зависимость от себя деревенскую интеллигенцию, анти-советские элементы стремятся не только проникнуть в кооперацию, но и провести свое влияние в сельсоветах и волисполкомах.

7. Так-называемое сменовеховское течение до сих пор играло и еще может играть об'ективно прогрессивную роль. Оно сплачивало и сплачивает те группы эмиграции и русской интеллигенции, которые „примирились" с Советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны. Постольку сменовеховское направление заслуживало и заслуживает положительного отношения Но вместе с тем нельзя ни на одну минуту забывать, что и в сменовеховском течении сильны буржуазно-реставратские тенденции, что сменовеховцам сообща с меньшевиками и эс-эрами та надежда, что после экономических уступок придут политические в сторону буржуазной демократии и т. п.

Все вышесказанное выдвигает перед Р. К. П. следующие задачи:

А) Партия должна твердо помнить и систематически напоминать об этом всему рабочему классу и крестьянству, что революция и в самом непосредственном смысле все еще находится в опасности. Источник Гааги показал это с достаточной убедительностью. Та или другая, но всегда и неизменно достаточно тесная связь между интернациональной капиталистической реакцией и рускими анти-советскими партиями и течениями остается. Ход и перепитии эс-эровского процесса показали, что эта связь внутренней контрреволюции с иностранным капиталом достаточно прочна и отнюдь не только платонична. Анти-советские партии и течения еще не раздавлены. Они меняют тактику и, приспособляясь к новым условиям, стремятся, опираясь на европейскую капиталистическую реакцию, обойти Советскую власть с тыла.

Б) В ближайшее время партия должна обратить особенно серьезное внимание на те формы организации и общественной жизни, которые являются для анти-советских партий и течений наиболее доступной ареной влияния. Таковы: всех видов кооперация, (в особенности, сельско-хозяйственная кооперация, труд-союзы и т. п.), высшая, средняя и низшая школы, профсоюзы (особенно, не производственные и не чисто пролетарские по своему составу) культурно-просветительное движение молодежи, спилки—на Украине, издательское дело и т. п. Партийные организации должны суметь сейчас уделить максимальное количество внимания и сил указанной работе, чтобы лишить анти-советские группы всякого влияния и тем в корне уничтожить возможную опору их существования. Печать, высшая школа, кооперация—все это тоже „командующие высоты", которые партия обязательно должна удержать или завоевать. Умение Р. К. П. концентрировать внимание на очередной ударной задаче всегда являлась самой сильной стороной нашей партии. При правильной тактике Р. К. П. сможет в этом случае в сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партии эс-эров и меньшевиков, как политические факторы.

В) Опираясь на начавшийся процесс расслоения среди анти-советских групп, наши партийные организации должны суметь серьезным деловым образом подойти к каждой группе, прежде враждебной Советской власти и ныне обнаружившей хотя бы малейшее искреннее желание действительно помочь рабочему классу и крестьянству в деле восстановления хозяйства, поднятия культурного уровня населения и т. п. Более, чем когда бы то ни было, партийным организациям в настоящее время необходимо проявить дифференцированное отношение к каждой отдельной группе (или даже отдельному лицу) представителей науки, техники, медицины, педагогики и пр. и т. п. По отношению к действительно беспартийным элементам из среды представителей техники и науки, учительства, писателей, поэтов и т. д., которые хотя бы в самых основных чертах поняли действительно смысл совершившегося великого переворота, необходима систематическая поддержка и деловое сотрудничество.

Партия должна делать все, что от нее зависит, для того, чтобы помочь

кристаллизации тех течений и групп, которые обнаруживают действительное желание помочь рабоче-крестьянскому государству. Начиная от столицы и кончая уездным городом партия должна терпеливо, систематически и настойчиво проводить именно эту линию для того, чтобы облегчить указанным элементам переход к сотрудничеству с Советской властью.

1) Партия должна со своей стороны сделать все возможное для удовлетворения быстрого роста культурных потребностей и пробудившейся в народе громадной жажды знания. Этот рост культурных потребностей и жажда знания являются характернейшим признаком данного этапа революции, наряду со стремлением широких кругов населения прочно закрепить завоевания революции, установить революционный порядок и реально повысить свой уровень жизни. В меру того, как партия поможет Советскому государству удовлетворить эти потребности, антисоветские партии и течения окончательно потеряют под собою всякую почву. Ускоренная и усиленная подготовка свежих кадров работников для всех отраслей государственного строительства из среды РКП и РКСМ, систематическое развитие и улучшение просветительно-воспитательной работы партии над своими собственными членами являются в связи с этим самыми насущными партийными задачами.

Д) Буржуазному влиянию необходимо противопоставить целую систему мер пропагандистско-агитационного порядка. Необходимо направить все усилия на идейное укрепление пролетарского ядра нашей партии, приблизив партийно-воспитательную работу к фабрично-заводским коллективам и привлекая к ней советских хозяйственных профессиональных ответственных работников (марксистские кружки, клубы и пр.). Точно также необходимо поставить своей задачей усвоение деревенскими коммунистами правильного понимания взаимоотношений между городом и деревней в условиях пролетарской революции.

Как на ближайшие практические задачи, необходимо указать на следующее:

а) Надо поднять работу научно-коммунистической мысли, дабы иметь возможность организационно вести линию „воинствующего материализма“ и всей идеологии революционного марксизма (оживление работы социалистической академии, научных кафедр коммунистических университетов, работа по завоеванию ученых органов при советских университетах и т. п.).

б) Поскольку громадную роль в деле борьбы с буржуазными влияниями должна сыграть советско-партийная журналистика, нужно организовать это дело в известной степени, по единому плану, дав туда силы и средства.

в) Принять все меры к улучшению в текущем учебном году учебной части в партийных школах высшего типа и радикальному повышению их материального положения.

г) Напрячь все силы на повышение политического уровня рядовых членов партий.

д) Для об'единения деятельности марситских кружков необходимо создавать при губкомах пропагандистские коллегии и постоянные пропагандист-

ские совещания, в сферу влияния которых включить кружковую работу; необходимо обратить сугубое внимание на снабжение марксистских кружков соответствующей литературой.

е) Агитпропагандистскому отделу ЦК указать на срочную необходимость разработки ряда мер просветительной работы в деревне, приспособив ее к обстановке переживаемого момента.

Е) Вместе с тем нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эс-эрам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контр-революционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием.

Репрессии, которые неизбежно не достигают цели, будучи направлены против поднимающегося класса (как, например, в свое время репрессии эс-эров и меньшевиков против нас), диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом позиции. Однако партийные организации не должны переоценивать роли репрессий и должны твердо памятовать, что только в сочетании со всеми остальными вышеуказанными мерами репрессии будут достигать цели.

3373

Разрешено Омгосиздатом № 1417.